

Она посмотрела на меч из чёрного железа, лежащий рядом, и, подумав, наконец протянула руку и мягко обняла Су Няньсюэ.

— Прошлое нельзя вернуть.

В конце концов, человек должен двигаться вперёд. Просто сказать это легко, а сделать... трудно.

Когда Су Няньсюэ подняла голову, её глаза были слегка красными, но слёз не было — видимо, она сдержалась.

— Что ты видела в иллюзии? — Она потерла глаза и тихо спросила.

Цин Лань взяла меч и села рядом с ней, прислонившись к стене. Она опустила глаза и сказала:

— Первый раз, когда я убила человека.

— Сколько тебе тогда было?

— Шесть лет назад, мне было двенадцать. — Она с закрытыми глазами выглядела уставшей, и голос её был тихим. — Такие, как мы, живут на острие ножа, и наши тела пропитаны кровью. Если смотреть только в прошлое, то можно упустить настоящее.

— ...Почему?

— Нет никакого «почему». Даже если я расскажу, ты не поймёшь. — Цин Лань открыла глаза и посмотрела на неё. — Лучше расскажи о себе, твоя реакция была сильной.

— Ты знаешь, что я из семьи Су? — Вместо ответа Су Няньсюэ задала, казалось бы, не связанный вопрос.

Цин Лань слегка приподняла бровь и спокойно сказала:

— В Чанъане есть вторая семья Су, которая дружит с кланом Ло?

Точно... Получается, она действительно полностью раскрыла себя... Непонятно, почему она так хорошо знала о Долине Короля Снадобий и знати Чанъаня...

Су Няньсюэ подняла голову и посмотрела на отражение света от лампы на стене:

— А ты знаешь о той битве на северной границе десять лет назад?

Цин Лань незаметно нахмурилась, слегка сжала губы и кивнула.

— Командир авангарда, Су Сюань... был моим отцом. — Она склонила голову, словно вспоминая что-то. — Он погиб на северной границе.

— На самом деле, он мог не идти туда, но... это было ради меня и матери. Второй сын семьи Су женился на простой женщине из мира боевых искусств, и ты знаешь, что думали по этому поводу знатные люди... Поэтому, чтобы заставить замолчать сплетников и дать объяснение старшим семьи, он добровольно отправился на северную границу, и... больше не вернулся. Прошло десять лет, и я почти забыла, как он выглядел...

Эта иллюзия была очень реалистичной, но всё же не была правдой. Иногда она задумывалась, что истинно, а что ложно. Она действительно была из семьи Су, но и сопротивление старших семьи тоже было правдой. Она действительно была ученицей Долины Короля Снадобий, но она не была настоящим человеком из мира боевых искусств, и это тоже было правдой.

Грань между истиной и ложью иногда может быть очень размытой.

Как в иллюзии: если ты считаешь, что всё вокруг реально, то так оно и есть. Для некоторых людей совершенство иллюзии может заставить их забыть о реальности.

— Ты сама сказала, что уже почти забыла. — Цин Лань спокойно выслушала её и тихо заговорила. — Жизнь длится сто лет, и она может быть как долгой, так и короткой. Что ты хочешь делать, что можешь делать, иногда не зависит от тебя. Но раз уж ничего нельзя изменить, лучше сделать что-то, что тебе хочется, в рамках того, что есть. Ты из семьи Су, ты родилась для жизни при дворе, но, как и твой отец, ты можешь путешествовать по миру, пройти через горы и реки. Даже если в конце... это был его выбор, и, хотя есть сожаления, он не жалел. Ты, вероятно, уже лучше, чем он, ведь ты из Долины Короля Снадобий. Маркиз Аньян потерял брата и, вероятно, не хочет потерять ещё и племянницу.

— Вместо того чтобы грустить из-за иллюзии, лучше смотри вперёд. — Она поднялась, отряхнула одежду и помогла ей встать. — Это, вероятно, то, что хотел бы увидеть твой отец.

После всех этих событий непонятно, сколько времени прошло. Когда они вышли из подземелья, Су Няньсюэ наконец расслабилась, и в глазах появилась усталость.

Небо было затянуто туманом, на земле лежал свежий снег, и идти было скользко — одно неверное движение, и можно было упасть.

Узкая снежная тропа извивалась, ведя к вершине горы. Холодный ветер бил в лицо, словно резал кожу.

Похоже, нужно подниматься выше... Су Няньсюэ плотнее затянула воротник и невольно

облизала сухие губы. Но...

— Нам нужно будет возвращаться той же дорогой?

— Э? Нет. — Цин Лань обернулась и посмотрела на неё. — Неважно, механизмы или иллюзии — всё это создано людьми, и после прохождения их нужно восстанавливать, как и те механизмы, которые ты разрушила в леднике. Я думаю, это место осталось...

Она слегка опустила глаза:

— Вероятно, это было сделано Жун Дун для Ли Цина. Ведь... если бы не та трагедия, он бы стал следующим верховным жрецом.

Жаль только, что Ли Цин никогда не увидит это испытание.

— Даже если бы у Ли Цина был шанс... — Су Няньсюэ покачала головой. — Он бы прошёл лабиринт с медными манекенами, но не смог бы преодолеть иллюзию и свои внутренние демоны.

Слишком сильные привязанности, слишком резкий характер... Он, вероятно, и не подходил для обучения как жрец. Такие люди... талантливы, но и опасны.

Мягкость Жун Дун привела к трагедии уничтожения клана, и сложно сказать, как это оценивать.

Цин Лань не обращала на это внимания. Она поправила плащ и кивнула в сторону другой вершины.

— Это вершина Тяньшаня. Та, которую называют священной горой сяньбэй.

Су Няньсюэ последовала её взгляду. Высокая гора пронзала облака, острая и величественная, как обнажённый меч, направленный в небо. Даже на расстоянии, даже сквозь туман, можно было увидеть её опасные склоны.

— В древнем языке сяньбэй есть поговорка. — Она замедлила шаг, время от времени бросая взгляд на далёкую вершину. — Чёрный орёл сяньбэй ударился о небо, и после смерти его тело превратилось в священную гору сяньбэй. Кровь его растопила снег и дала жизнь первым предкам сяньбэй. Поэтому мужчины клана должны быть, как орлы, иметь стремление достичь неба и не бояться смерти. Это я прочитала в их пергаментях.

— Прочитала? Ты раньше... не знала этого?

— Не знала. Я выросла на Срединных равнинах, так что я не совсем сяньбэй. Кроме того,

большинство сяньбэй, живущих на равнинах, считают себя ханьцами. — Цин Лань перелезла через ледяной барьер и помогла ей перебраться. — Мы пришли.

Ветер на вершине был сильнее, чем внизу, и Су Няньсюэ невольно подняла руку, чтобы защитить лицо. Она прищурилась и посмотрела вперёд.

На ветру несколько маленьких цветов, ещё не полностью распустившихся, качались в снегу.

— Это... цветок семи листьев? — Она подошла ближе и присела. — Семь листьев, семь цветов, без запаха в сильный холод... рождается вместе с кровавой яшмой...

Но... он ещё не зацвёл. И где же та кровавая яшма, о которой говорится в легендах? Она невольно посмотрела на Цин Лань.

— Рождается вместе с кровавой яшмой... — Цин Лань медленно подошла к ней и сняла левую перчатку.

— Что ты собираешься делать? — В такую погоду снимать перчатку? Она...

— Ты сама сказала, это кровавая яшма. — Она подняла глаза на неё, быстро достала короткий кинжал и сделала небольшой надрез на пальце.

Капли крови медленно стекали по костяшкам и падали на бутон.

— Использовать кровь, чтобы ускорить цветение... — Су Няньсюэ широко раскрыла глаза, наблюдая, как бутон медленно раскрывается. — А кровавая яшма?

— Внизу. — Цин Лань вытерла остатки крови с пальца, вонзила кинжал в землю и вытащила оттуда целый кусок яшмы. — Держи цветок.

— Подожди.

Цин Лань обернулась, смотря на неё с недоумением.

Су Няньсюэ положила цветок в карман и взяла её за руку.

Ранка на пальце уже не кровоточила, но выглядела неприятно. Она достала из сумки лекарство, посыпала им рану и обмотала палец бинтом, прежде чем надеть перчатку обратно.

— Не стоит пренебрегать мелкими ранами, мы ведь на Тяньшане.

— ...Спасибо. — Цин Лань слегка кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то сложное. — Пойдём, пора уходить, держи цветок.

Она уже второй раз напомнила ей держать цветок... Обычно она так много не говорила. Су Няньсюэ нахмурилась, почувствовав что-то неладное.

— Что там на выходе?

Цин Лань приподняла бровь и сказала:

— Ты не такая уж глупая.

<http://bllate.org/book/15509/1377387>